

DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.038-051

И. А. Михайлова*

Договорное регулирование отношений между супругами в зарубежном и отечественном законодательстве: генезис, трансформация и перспективы развития

Аннотация. В статье показано, что прообразы брачных договоров широко применялись в Древнем Риме в виде заключаемых семьями новобрачных или женихом и невестой трех соглашений: о предложении и заключении брака, о приданом, предоставляемом семьей невесты, и о свадебном даре мужа, которые в совокупности охватывали все наиболее важные аспекты имущественных отношений будущих супругов, устанавливали их правомочия в отношении принадлежавших им вещей как в браке, так и в случае его прекращения. Много внимания уделяется анализу дореволюционного отечественного законодательства, в котором последовательно проводился принцип раздельности брачного имущества, а наделение приданым и заключение соглашений относительно его использования во многом определялись обычаями, сложившимися в том или ином сословии. Законодатель не предусматривал право супругов определить в договоре их имущественные права, хотя и не запрещал подобные договоры. Потребность в брачно-договорном урегулировании практически отсутствовала, т.к. оно могло повлечь ограничение права собственности одного из супругов на принадлежащее ему имущество. Рассматриваются положения советского законодательства, исключавшие возможность договорного определения супругами их имущественных прав, что нередко приводило к негативным последствиям. Показаны факторы, обусловившие формирование общественной потребности в легальном закреплении возможности договорного регулирования в этой сфере. Охарактеризованы преимущества брачного договора и обстоятельства, обуславливающие расширение масштабов его применения. Анализируются новеллы, предлагаемые для внесения в Семейный кодекс РФ, и выдвигаются предложения о закреплении права на договорное урегулирование имущественных отношений, возникающих между гражданами, состоящими в неформальных семейных союзах.

Ключевые слова: брак; супруги; брачный сговор; соглашение о приданом; имущественные отношения; раздельная собственность; совместная собственность; брачный договор; заключение брака; расторжение брака; фактические брачные отношения.

Для цитирования: Михайлова И. А. Договорное регулирование отношений между супругами в зарубежном и отечественном законодательстве: генезис, трансформация и перспективы развития // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 5. — С. 38–51. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.038-051.

© Михайлова И. А., 2021

* Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности, профессор кафедры гражданского и процессуального права Московского университета имени С. Ю. Витте (филиал в г. Рязань)
ул. Миклухо-Маклая, д. 55а, г. Москва, Россия, 117279
irina_mihaylova@list.ru

Contractual Regulation of Relations between Spouses under Foreign and Domestic Legislation: Genesis, Transformation and Development Prospects

Irina A. Mikhailova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Russian State Academy of Intellectual Property; Professor of the Department of Civil and Procedural Law, Moscow Witte University (Ryazan Branch)
ul. Miklukho-Maklaya, d. 55a, Moscow, Russia, 117279
irina_mihaylova@list.ru

Abstract. The paper provides for the analysis of prototypes of nuptial agreements widely used in ancient Rome in the form of three agreements concluded by the families of the newlyweds or between the bride and groom: an engagement and marriage celebration agreement, an agreement concerning the dowry provided by the bride's family and a wedding gift granted by the husband. The three agreements collectively covered the most important aspects of the property relations between the future spouses, established their authority and powers concerning their belongings both in marriage and in the event of its termination. Much attention is paid to the analysis of pre-revolutionary domestic legislation that consistently carried out the principle of separation of marriage property, whereas the dowry and agreements regarding its use were largely determined by customs established in a separate social stratum. The law-maker did not provide for the right of spouses to determine their property rights in the agreement. However, such agreements were not prohibited. There was almost no need for regulation through nuptial agreements, because it could entail restrictions of ownership of one of the spouses in the property owned by the spouse. The author examines provisions of the Soviet legislation that excluded the possibility of determination by spouses of their property rights through nuptial agreements, which often led to negative consequences. The paper enumerates the factors that have led to the necessity to consolidate legal regulation of relationships under consideration using nuptial agreements. The paper describes the advantages of the nuptial agreement and the circumstances leading to the expansion of the scope of its application. Also, the paper analyzes amendments to the Family Code of the Russian Federation and provides proposals to consolidate the right to regulate property relations arising between citizens engaged in informal family unions using nuptial agreements.

Keywords: marriage; spouses; nuptial agreement; dowry agreement; property relations; separate property; joint property; marriage celebration; dissolution of marriage; actual marriage relations.

Cite as: Mikhailova IA. Dogovornoe regulirovanie otnosheniy mezhdru suprugami v zarubezhnom i otechestvennom zakonodatelstve: genesis, transformatsiya i perspektivy razvitiya [Contractual Regulation of Relations between Spouses under Foreign and Domestic Legislation: Genesis, Transformation and Development Prospects]. *Lex russica*. 2021;74(5):38-51. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.038-051. (In Russ., abstract in Eng.).

В современной науке значительно возрос интерес к качеству действующего семейного законодательства, к имеющимся в нем пробелам и противоречиям, а также положениям, не в полной мере соответствующим Гражданскому кодексу Российской Федерации¹ и общеправовому

принципу справедливости². Вероятно, активизация исследований названной проблематики обусловлена в числе других факторов новеллами, которые предлагается внести в Семейный кодекс Российской Федерации³ в проекте федерального закона № 835938-7⁴

¹ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 12.05.2020 № 23-П) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² См., например: Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 41–45; Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное право. 2017. № 1. С. 3–5; Михеева Л. Ю. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет: интервью Л. Михеевой // Закон. 2017. № 2. С. 6–20.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // СЗ РФ. 1996 № 1. Ст. 16.

⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 835938-7, внесенный депутатами Государственной Думы Крашенинниковым П. В., Плетневой Т. В. // СПС «КонсультантПлюс».

(далее — Законопроект). Предусмотренные в нем изменения затрагивают многие институты семейного права, в том числе и договорное регулирование имущественных отношений между супругами, что актуализирует вопрос о генезисе и трансформации данного понятия в зарубежном и российском семейном законодательстве.

Урегулирование наиболее важных аспектов имущественных отношений будущих супругов в соответствующем договоре имеет давнюю юридическую традицию, уходящую корнями в римское частное право, хотя в его положениях вместо привычной нам категории «брачный договор» использовалось словосочетание «брачный сговор» как понятие, определяющее предложение и обещание заключения брака (помолвку, обручение). Как отмечал Ульпиан, брачный сговор (*sponsalio*) назван так от слова «сговариванье» (*spondendum*)⁵.

Заключался такой брачный сговор (обручение — *sponsolia*) как будущими супругами, так и их *Paterfamilias* или опекунами: «При совершении брачного сговора не имеет значения, совершен ли он женихом и невестой, или в их присутствии, или через посредника, или путем письма, либо же через другое лицо»⁶. Иногда договорный процесс растягивался на довольно длительный период времени, что могло быть обусловлено состоянием здоровья будущих супругов, смертью их родителей, длительными путешествиями и др.

В древние времена *sponsolia* порождало обязательство заключить брак, но в дальнейшем возобладала позиция, в соответствии с которой, если после обручения не последовало брака, потерпевшая сторона могла требовать от несостоявшегося супруга, нарушившего помолвку без уважительных причин, компенсации причиненного ей вреда и возвращения полученных подарков. Этот обычай, рецепированный в законодательстве многих европейских государств, сохранялся долгие столетия. Например, правило, в соответствии с которым отказ от заключения брака после свершившейся помолвки рассматривается как нарушение заключенного договора и влечет наступление для нарушителя гражданско-правовой ответ-

ственности, действовало в Великобритании до 1970 г.⁷

Что же касается определения имущественной основы заключаемого брака, то в древности, когда семьи создавались на основе агнатического родства, соответствующие обязанности возлагались на семью невесты, обязанную предоставить ей приданое (*dos*), то есть передать жениху имущество, предназначенное для осуществления расходов по организации семейной жизни. Таким образом, брачный сговор дополнялся заключением еще одного соглашения — относительно предоставления мужу приданого семьей или опекуном невесты.

Правила заключения и исполнения, а также особенности содержания таких договоров регламентировались в титуле IV книги 23 Дигест Юстиниана «О соглашениях по поводу приданого», который содержал подробную характеристику мельчайших нюансов возникающих в связи с этим имущественных отношений. Субъектный состав соглашения о приданом охарактеризовал Помпоний: «Когда дается приданое для дочери, то является наилучшим, чтобы зять заключил соглашение с ними обоими, хотя с самого начала при передаче приданого тот, кто дает, может установить главное условие, которое он пожелает, и без участия женщины. Если только отец без участия дочери заключил соглашение, то заключенное соглашение повредит или принесет пользу только ему, независимо от того, один он предъявит иск или вместе с дочерью».

Допускались и ситуации, когда приданое предоставлялось непосредственно женщиной, вступающей в брак, имеющей статус *personae sui iuris* и заключившей с женихом соответствующее соглашение. Такой пример приводит Модестин: «Если женщина обещала в целях приданого определенную сумму и вместо этих денег дала в приданое рабов, то это соглашение следует соблюдать, ибо известно, что между мужем и женой может быть заключено соглашение о том, что приданое, которое состояло из наличных денег, изменяется и превращается в вещи, движимые или недвижимые, и наоборот»⁸.

⁵ Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2002. Т. 4. Кн. 23. Титул I. С. 270.

⁶ Дигесты Юстиниана. Т. 4. Кн. 23. Титул I. С. 270.

⁷ Рассматриваемая коллизия получила подробное описание в романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», герой которого, ложно обвиненный в нарушении обещания жениться и отказавшийся от возмещения вреда, причиненного истце, был приговорен к тюремному заключению.

⁸ Дигесты Юстиниана. Т. 4. С. 373.

Соглашение по поводу предоставления приданого можно было заключать как до, так и после совершения брака, и супруги могли указать в нем различные действия, допускаемые к совершению мужем в отношении переданных ему движимых или недвижимых вещей. Весьма интересный пример подобного соглашения приводит Папиниан: «Некто получил от своей жены в приданое имение, и между ними было заключено соглашение, что муж будет давать жене в виде годового содержания арендную плату за это имение. Затем муж отдал это имение в аренду матери жены, а та умерла, будучи должна арендную плату, после чего муж потребовал от жены денежную сумму, которую была должна ее мать»⁹.

Применительно к современному гражданскому обороту содержание данного договора выглядит примерно следующим образом: при заключении брака жених получил от матери жены (тещи) в приданое некий имущественный комплекс (например, нежилое помещение) и заключил с ней же договор аренды, в соответствии с которым взыскиваемая с нее арендная плата будет передаваться жене для ведения хозяйства. Однако теща вскоре умерла, и муж потребовал от супруги погашения задолженности по арендной плате, которую, по условиям договора, он должен будет вернуть жене для ведения домашних расходов.

Изначально муж признавался собственником имущества, переданного ему в качестве приданого, однако впоследствии возобладали позиция, в соответствии с которой такое имущество по-прежнему принадлежит жене, поскольку муж только пользовался *dos* во время брака и мог оставить его у себя после развода либо в соответствии с условиями заключенного соглашения, либо в качестве штрафа за ненадлежащее отношение жены к своим обязанностям¹⁰.

С республиканских времен в римском праве допускались и соглашения, в которых предусматривалось уже не предоставление, а, напротив, возвращение приданого. Такие соглашения «было позволено заключать между всеми, кто может истребовать назад ранее переданное приданое и от кого оно может быть истребо-

вано»¹¹, то есть его субъектами на одной стороне выступал получивший приданое супруг, а на другой — *Paterfamilias* супруги, ее опекун или она сама. Ульпиан отмечал: «Если будет заключено соглашение, что, каким бы образом брак ни был расторгнут, приданое при наличии детей остается у мужа, то в случае прекращения брака смертью мужа соглашение в отношении приданого не следует соблюдать, и оно подлежит возвращению жене. Если же отец дал приданое и заключил соглашение о том, что в случае смерти дочери в браке приданое остается у мужа, то соглашение должно быть соблюдено, даже если не было детей»¹².

В тех случаях, когда обещанное приданое не передавалось жениху в обусловленное сторонами время, он был вправе предъявить в суде иск о его востребовании, но с учетом имущественного положения лица, сделавшего такое обещание. Лабен по этому поводу утверждал, что «если предъявляется иск об обещанном приданом, то того, кто обещал, следует присуждать настолько, насколько он является состоятельным»¹³.

Таким образом, брачный сговор, будучи соглашением о предложении и заключении брака, с давних времен дополнялся договором о передаче мужу определенного имущественного комплекса (приданого), в котором предусматривались действия, разрешаемые ему с целью получения прибыли, используемой для осуществления семейных расходов. Соответствующий институт брачно-договорного регулирования, впоследствии названный дотальным правом (от слова *dos*), получил настолько глубокую и всестороннюю разработку, что отдельные его положения были рецепированы законодательством многих европейских государств, в том числе Франции, Бельгии, Италии, Германии и Российской империи.

Развитием рассмотренного института договорное регулирование супружеских отношений в Древнем Риме не исчерпывалось. С распространением когнатической семьи и случаев отдельного проживания супругов в своем собственном хозяйстве, с расширением гражданской правоспособности лиц *alieni*

⁹ Дигесты Юстиниана. Т. 4. С. 375.

¹⁰ См.: Римское частное право : учебник / под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. М. : Юрист, 2001. С. 137.

¹¹ Дигесты Юстиниана. Т. 4. С. 357.

¹² Дигесты Юстиниана. Т. 4. С. 360.

¹³ Дигесты Юстиниана. Т. 4. С. 356.

iuris обязанность по предоставлению средств для совместной жизни стала возлагаться и на жениха (мужа), который с этой целью передавал невесте так называемый свадебный дар (*donatio ante nuptias*), стоимость которого была примерно равна стоимости приданого. Тем самым муж, во-первых, вносил свой вклад в финансирование будущих семейных расходов и, во-вторых, принимал на себя обязательство выплатить жене эту сумму в случае расторжения брака по его инициативе или по его вине, причем в таких случаях жене возвращалось и ее приданое. Этот обычай получил легальное закрепление во времена императора Константина, и его широкое применение способствовало обеспечению реализации замужними женщинами их имущественных прав.

Сказанное означает, что в Древнем Риме имущество, из которого осуществлялись расходы на семейную жизнь, состояло из приданого, вносимого невестой или ее семьей, и свадебного дара, предоставляемого женихом, условия пользования, владения и распоряжения которыми устанавливались в соглашениях, заключаемых представителями будущих супругов или непосредственно мужем и женой, если они обладали статусом *personae sui iuris*. Такие соглашения в совокупности охватывали все наиболее важные аспекты имущественных отношений будущих супругов или лиц, уже состоящих в браке, устанавливали правомочия супругов и судьбу принадлежавших им вещей как в браке, так и в случае его прекращения.

Регламентация возникающих при этом вопросов имела чрезвычайно глубокий и многовариантный характер: римские юристы учитывали самые различные обстоятельства, которые могут возникнуть на протяжении семейной жизни, придавая или, напротив, не придавая им правового значения. Дифференциации подлежала даже супружеская измена, при обнаружении которой учитывались место и обстоятельства ее свершения, а также пол изменившего супруга, в зависимости от которых для него наступали или, напротив, не наступали негативные имущественные последствия.

В отечественном законодательстве договорное регулирование отношений между супругами возникло значительно позже. На низших ступенях развития славянской истории имущественным элементом брака не придавалось особого значения, т.к. он рассматривался главным образом как средство удовлетворения физической потребности межполового общения. Как отмечал В. И. Добровольский, «первичными формами брака у древних славян были похищение и покупка жены, не считавшиеся с волей женщины и неизбежно приводившие к ее полному подчинению воле мужа»¹⁴.

С принятием христианства в Древней Руси постепенно распространился обычай, характерный для римского права, когда венчанию предшествовало обручение, называемое «сговор», во время которого родители будущих супругов договаривались не только о заключении брака, но и о передаваемом мужу приданом. Акт обручения оформлялся специальной сговорной записью, а на случай его нарушения устанавливалась неустойка, достигавшая иногда весьма значительных размеров¹⁵. Подобно ранее рассмотренным римско-правовым положениям, в сговорной записи могли устанавливаться условия, определяющие правомочия обоих супругов в отношении принадлежащего им имущества как во время брака, так и в случае его прекращения, на основании чего К. А. Неволлин оценивал такие соглашения как прообразы брачных договоров¹⁶. С такой оценкой следует полностью согласиться, поскольку в соглашениях, в том числе в устных договоренностях родителей жениха и невесты, устанавливались наиболее важные аспекты имущественных отношений, возникающих по поводу приданого, а иногда и по поводу наследственных прав будущих супругов.

В дальнейшем развитии семейно-правового регулирования постепенно утвердилось начало раздельности имущественных прав супругов, которое было последовательно проведено во всех законодательных актах Древней Руси, начиная с Русской Правды. В силу этого приданое на время брака поступало в распоряжение

¹⁴ Добровольский В. И. Брак и развод: очерк по русскому брачному праву (фрагмент). СПб., 1903 // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 202.

¹⁵ См.: Антокольская М. В. Семейное право : учебник / 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2010. С. 187.

¹⁶ Неволлин К. А. Полное собрание сочинений. СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1857. Т. 3 : История российских гражданских законов. С. 396.

мужа, а соглашения заключались, как правило, в отношении входящего в его состав недвижимого имущества, и то далеко не всегда¹⁷.

Именно такой подход был установлен Указом Петра Первого 1716 г., провозгласившим полную раздельность имущества супругов, ставшую одной из наиболее важных отличительных особенностей дореволюционного семейного права. Указ закреплял: «Ея недвижимое имущество и движимое, с чем она шла замуж за него, или по родству ей данное, по свидетельству письменному, при ней да будет»¹⁸. В соответствии с принципом раздельности супруги могли «иметь и приобретать отдельную собственность и распоряжаться ею по своему усмотрению, а также вступать в законные между собою обязательства», то есть заключать любые сделки, не противоречащие закону. Указ 1731 г. окончательно выделил имущество жены, провозгласив: «Собственным их (жен) приданным именьям, и что они, будучи замужем, куплею себе или после родственников по наследству присовокупили, быть при них, не зачитая того в ту указаную дачу, что надлежит дать им (наследникам) из мужня имения».

Приведенные положения позволяют присоединиться к выводу В. И. Добровольского о том, что «исконное начало о раздельности имущества супругов прошло красной нитью через всю нашу историю и со времен Петра Первого окончательно запечатлелось в нашем сознании»¹⁹. Д. И. Мейер указывал, что «введением такого правового режима Россия была обязана царствию двух императриц — Елизаветы I и Екатерины II, которые, “сочувствуя интересам своего пола, желали оградить имущество жен от власти мужей и... положили начало разъединению имущественных прав супругов”»²⁰. Весьма высоко оценивал такой правовой режим И. А. Покровский: «По счастливой исторической случайности русское право в этом вопросе стоит в передовой шеренге. Полная имущественная раздельность составляет ясный

принцип нашего отечественного права, и в этом пункте мы впереди всей Европы»²¹.

Действительно, в ст. 109 тома 10 Свода законов гражданских²² было закреплено: «Браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность», а в ст. 114 указывалось: «Супругам дозволяется продавать, закладывать и иным способом распоряжаться собственным своим именем прямо от своего имени, независимо друг от друга и не испрашивая на то взаимно ни дозволильных, ни верящих писем». Предоставляя супругам широкие возможности по заключению с третьими лицами различных договоров, направленных на владение, пользование или распоряжение имуществом, принадлежащим каждому из них, законодатель не предусматривал право супругов установить такие правомочия в соглашении, заключаемом друг с другом, хотя и не запрещал подобные договоры. Вероятно, такой подход объяснялся отсутствием потребности в брачно-договорном урегулировании, поскольку оно неизбежно приводило бы к ограничению права собственности на имущество, принадлежащее одному из супругов, что противоречило принципу раздельности.

Однако, по справедливому замечанию Н. М. Азаркина, юриспруденция в России не всегда выступала «в чистом виде»; нередко она проявлялась через другие формы общественного сознания²³, в том числе через обычаи, характерные для отдельных сословий. В отличие от законодательства европейских государств, в которых к тому времени был закреплен принцип равенства всех граждан, в Российской империи по-прежнему признавались 4 сословия: дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели — отдельные группы подданных, для которых закон устанавливал наследственные различия в правах и обязанностях²⁴. Вне сословия состояли инородцы и иностранцы. Отмена всех сословных, вероис-

¹⁷ См.: Добровольский В. И. Указ. соч. С. 204.

¹⁸ См.: Указ от 04.11.1716 № 2952 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Добровольский В. И. Указ. соч. С. 207.

²⁰ Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003. С. 187.

²¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 187.

²² См.: Свод законов Российской империи: Свод законов гражданских: с примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. Т. 10. Ч. 1. СПб.: Рус. кн. товарищество «Деятель», 1915. С. 165–166.

²³ Азаркин Н. М. История юридической мысли России: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1999. С. 16.

²⁴ См.: Васильковский Е. В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 98.

поведных и национальных ограничений, разобравших российское население на протяжении долгих столетий, была провозглашена только в Декларации Временного правительства о его составе и задачах от 03.03.1917²⁵.

Организация имущественной основы совместной семейной жизни представителей различных сословий имела свои специфические особенности, т.к. она регламентировалась преимущественно обычаями, сложившимися в данном сословии. Письменные соглашения относительно передаваемого в приданое имущества и дозволяемых мужу правомочий в отношении такого имущества совершались, как правило, при наделении приданым девушек из дворянских и купеческих семей, но они не получили распространения в крестьянской среде, где достаточно было простой передачи имущества, предназначенного для организации семейного быта будущих супругов, а именно крестьяне (сельские обыватели) всегда составляли бóльшую часть (свыше 80 %) населения России.

Обязательность приданого была отменена при Екатерине II Указом Святейшего Синода 1775 г.²⁶, но этот обычай сохранялся на протяжении всего дореволюционного периода нашей истории. Весьма выразительно его охарактеризовал немецкий цивилист Дернбург, по мнению которого, такая практика представляет собой «некий противовес распространяющейся тенденции повального бегства от брака молодых мужчин, т.к. возможность пользоваться имуществом жены становится чем-то вроде приманки для мужа, а для жены это — неизбежная плата за счастье быть замужней»²⁷. Девушки из бедных семей, том числе дворянских и купеческих, не имевшие родителей, способных предоставить им приданое, в большинстве случаев лишались «счастья быть замужней»²⁸.

После победы Октябрьской революции в свете большевистских идеологических установок постепенно сформировались новые взгля-

ды на значение и роль супружеской жизни, многие атрибуты которой стали рассматриваться как присущие исключительно буржуазному обществу и потому не подлежащие применению в процессе создания социалистического типа семейных отношений. Однако в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.²⁹ был сохранен прежний режим раздельности имущества супругов: в ст. 105 предусматривалось, что брак не создает общности имущества супругов и муж не имеет права пользоваться и управлять имуществом жены. К этому положению был добавлен императивный запрет на получение мужем такого права по брачному договору. Запрет имел односторонний характер, однако фактически он распространялся на возможность договорного урегулирования любых имущественных отношений будущих супругов, что было положено в основу формирования законодательной позиции, активно поддерживаемой в советской доктрине, рассматривавшей брачный договор как институт, неприемлемый для регулирования отношений между советскими гражданами.

Исторический отход от режима раздельности супружеского имущества произошел 8 лет спустя. В Кодексе законов о браке, семье и опеке, принятом в 1926 г.³⁰, этот принцип был заменен режимом его общности, который, сохраняясь в неизменном виде на протяжении всего советского периода³¹, закреплен и в действующем законодательстве (ст. 34 СК РФ). При этом и раздельная собственность супругов, и режим их общей совместной собственности устанавливались в интересах замужней женщины: до революции принцип раздельности был направлен на обеспечение сохранности движимых и недвижимых вещей, принадлежащих супруге, а в советское время с прекращением права частной собственности и уравниванием имущественного положения большей части населения страны обеспечение прав и интересов замуж-

²⁵ URL: constitution.garant.ru.

²⁶ URL: megaletsii.ru.

²⁷ Цит. по: *Покровский И. А.* Указ. соч. С. 187.

²⁸ Такое социальное явление легло в основу сюжета пьесы «Бесприданница» А. Н. Островского.

²⁹ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. Утвержден постановлением ВЦИК РСФСР 16 сентября 1918 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ См.: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. Утвержден постановлением ВЦИК РСФСР 19 ноября 1926 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³¹ См.: Кодекс о браке и семье РСФСР» (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) (ред. от 24.02.1987) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

ней женщины становилось возможным только путем признания за ней права совместной собственности на все имущество, приобретенное в браке, и все доходы, получаемые ее мужем.

Соответствующие нормы имели императивный характер, исключавший возможность договорного установления иного правового режима в отношении супружеской собственности. Принципиальное отторжение брачного договора в советской доктрине имело не только идеологическую, но и экономическую обусловленность. В условиях гражданской войны, послевоенной разрухи, всеобщей бедности населения, обладавшего, как правило, только предметами личного потребления, потребность в заключении договора, устанавливающего правовой режим супружеского имущества, если и возникала, то только на протяжении краткого исторического периода, относящегося к новой экономической политике, — нэпу, и только у немногочисленных новых советских предпринимателей — разбогатевших нэпманов.

В советский период, характеризующийся относительной однородностью (за редкими исключениями) имущественного положения граждан, получавших сопоставимые доходы и имевших некий «стандартный» набор движимого и (довольно редко) недвижимого имущества, материальные факторы при выборе супруга редко имели большое значение. Такое положение находило свое отражение в советской доктрине, в которой стремление извлечь выгоду из заключаемого брака рассматривалось как явление, несовместимое с социалистической моралью и нравственностью. Все институты советского семейного права были пронизаны идеологическими постулатами, а в качестве его задач назывались «дальнейшее укрепление семьи, основанной на принципах коммунистической морали, и построение семейных отношений на добровольном брачном союзе мужчины и женщины, на *свободных от материальных расчетов чувствах взаимной любви, дружбы и уважения*»³² (курсив автора. — И. М.).

Приведенные положения, однако, отнюдь не означали полного отсутствия у советских граждан имущественных интересов. В советских семьях тоже возникали имущественные споры, особенно по поводу жилого помещения, занимаемого одним из супругов, в которое после заключения брака вселялся другой супруг с обязательным оформлением так называемой прописки. Эти жилые помещения, как правило, супруги занимали на основании договоров социального найма, т.к. они оставались в государственной или муниципальной собственности. Тем не менее для подавляющего большинства советских граждан именно жилое помещение было самым ценным видом супружеского имущества. Расторжение брака не влекло прекращения права владения и пользования жилым помещением вселенного в него супруга, что приводило к ситуациям, когда в одной квартире, не имея других жилых помещений и возможности для их приобретения, продолжали совместно проживать бывшие супруги, иногда создавшие новые семьи, между которыми в большинстве случаев возникали крайне неприязненные отношения. В таких условиях права на занимаемое жилое помещение его владельца могли бы быть обеспечены путем заключения брачного договора, но на протяжении всего советского периода это оставалось невозможным.

Ситуация в рассматриваемой сфере не изменилась и с установлением в 1991 г. возможности приобретения в собственность занимаемых гражданами жилых помещений путем их приватизации³³, которая создала условия для стремительного формирования рынка недвижимости. В течение весьма краткого по историческим меркам периода граждане стали собственниками занимаемых ими жилых помещений, но по-прежнему не имели возможности определить в брачном договоре правомочия в отношении этих помещений того лица, с которым собственник заключал брак. Отсутствие в семейном законодательстве соответствующей возможности представляло собой пробел, вос-

³² Рясенцев В. А. Семейное право : учебник. М. : Юрид. лит., 1971. С. 12 ; Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М. : Юрид. лит., 1972. С. 18.

³³ См.: Жилищный кодекс РСФСР от 24.06.1983 (ЖК РСФСР) (с изм. и доп.) (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1983. № 26. ст. 883 ; Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в ред. от 20.12.2017 № 399-ФЗ, с изм., внесенными постановлением Конституционного Суда РФ от 03.11.1998 № 25-П, определением Конституционного Суда РФ от 10.12.2002 № 316-О, постановлением Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 6-П) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.

полнение которого последовало только спустя несколько лет.

Провозглашение права частной собственности и признание за гражданами права на осуществление предпринимательской деятельности достаточно быстро привели к стремительному увеличению разрыва в доходах различных групп населения. С переходом от советской идеологии и командно-административной модели управления к новым экономико-правовым реалиям, в условиях нарастающего имущественного расслоения, возведения культа потребления в ранг одной из наиболее важных составляющих жизненного успеха количество граждан, стремящихся за счет заключения брака изменить к лучшему свое имущественное положение, стало возрастать, причем если раньше такое стремление было характерно преимущественно для девушек, то в настоящее время оно все чаще встречается и среди мужчин.

С другой стороны, появившиеся в постсоветской России состоятельные граждане, вступая в брак, как правило, вполне осознавали возможность имущественной заинтересованности и корыстных мотивов у будущего супруга и стремились всемерно обеспечить сохранность принадлежащего им имущества в случае расторжения брака. Закрепление в законе мер, направленных на обеспечение такой сохранности, стало одной из важных общественных потребностей, ответом на которую явилось легальное признание возможности заключения брачного договора первоначально в ст. 256 ГК РФ, а затем в гл. 8 СК РФ.

За два с половиной десятилетия, прошедшие с этого исторического признания, рассматриваемый институт стал неотъемлемым механизмом брачно-семейного регулирования. С каждым годом всё больше супругов желают формально распределить и закрепить свои права на различные виды принадлежащего им имущества, причем заключают такие договоры не только наиболее состоятельные граждане, но и представители «среднего класса», владельцы предприятий малого и среднего бизнеса, лица творческих профессий, государственные служащие и др. Все чаще заключаются браки,

базирующиеся на имущественном аспекте брачного союза, на стремлении одного из супругов существенно улучшить свое материальное положение и (или) социальный статус. При этом «свокорыстные интересы» могут быть как у одного, так и у обоих супругов, когда один из них заключает брак с целью войти в семью, обладающую широкими возможностями по содействию в его карьерном росте, а второй, в свою очередь, рассчитывает на значительные денежные доходы будущего мужа или жены.

Возможность заключения подобных союзов отмечалась в советской и современной литературе, а их правовые последствия стали предметом дискуссии. Некоторые советские ученые расценивали брак, заключенный при наличии корыстных целей одного из супругов, в качестве разновидности фиктивного брака. По мнению В. А. Рясенцева, хотя такой брак регистрируется для создания семьи, но основан этот брак не на чувстве любви, взаимной склонности, а на меркантильных соображениях (желании пользоваться имуществом супруга и т.д.), поэтому он должен приравниваться к фиктивным³⁴. К такой же позиции, по сути, склоняется И. А. Косарева, предлагающая предусмотреть «возможность для добросовестного супруга требовать признания брака недействительным, направленную прежде всего на защиту его имущественных прав и компенсацию причиненного ему морального вреда»³⁵.

Приведенное суждение, однако, не поддерживает Е. Н. Киминчижи, по мнению которого корыстные мотивы одного из супругов, как правило, тщательно скрываются от другого и проявляются лишь в процессе семейной жизни, что вполне может стать причиной разлада семейных отношений и поводом к расторжению брака, но не признанию его недействительным³⁶. С таким выводом следует полностью согласиться. Браки, заключенные с целью добиться имущественных выгод, могут считаться ущербными как основанные на меркантилизме и консьюмеризме заключивших их лиц, однако никаких формальных оснований для их негативной оценки с позиций семейно-правового регулирования не имеется: «брак по расчету» в большинстве случаев содержит все сущностные

³⁴ Рясенцев В. А. Семейное право. М.: Юрид. лит., 1971. С. 86–87.

³⁵ Косарева И. А. Некоторые вопросы признания недействительным брака, заключенного без цели создания семьи // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 5. С. 12–15.

³⁶ См., например: Киминчижи Е. Н. Заключение брака из корыстных побуждений и его правовые последствия // Семейное и жилищное право. 2010. № 6. С. 37–39.

признаки брака, в том числе любовь, которую супруг, вступающий в такой брак, нередко испытывает к своему состоятельному избраннику (или избраннице), а также твердое намерение создать с ним семью, следовательно, применять к нему категорию фиктивности нет оснований³⁷.

Представляется, что для лиц, вступающих в такие браки, заключение брачного договора становится намного более важным, чем для супругов, у которых нет оснований подозревать друг друга в наличии корыстных мотивов. Но и в тех случаях, когда вступающие в брак или состоящие в браке лица бескорыстно любят друг друга и полностью свободны от меркантильных расчетов, им не может быть безразлична судьба принадлежащего им и нажитого ими имущества в случае расторжения брака, которым может закончиться даже счастливая семейная жизнь, как в известном стихотворении:

*«Если любишь, готовься
удар принимать за ударом,
После долгого счастья
остаться на месте пустом...»*

Объективную потребность в заключении брачного договора сформулировал еще Д. И. Мейер, и его слова не потеряли своей актуальности в настоящее время: «При нормальном состоянии брачного быта нет никакой надобности в договорном определении имущественных прав супругов. Когда брак соответствует своей идее, то есть действительно представляет собой полное единение супругов, то не возникает никаких столкновений их имущественных интересов, супруги считают свое имущество общим и сообща распоряжаются им для удовлетворения своих потребностей. Но, к сожалению... иногда (не слишком редко) идея брака не реализуется: муж предается кутежу или разврату или пускается в разные аферы; или, наоборот, жена, увлекшись требованиями моды и роскоши, разоряет своего мужа»³⁸.

К этому положению следует добавить, что один из супругов, помимо «кутежа или разврата», может также «предаваться» азартным играм, злоупотреблению спиртными напитками или наркотическими средствами, что мо-

жет привести (и во многих случаях приводит) к утрате таким супругом не только источников дохода, но и принадлежавшего ему (или обоим супругам) движимого или недвижимого имущества.

Целесообразность заключения брачного договора обуславливается не только имеющимся или предполагаемым различием в имущественном положении супругов, их личностными качествами и увлечениями, но и многовариантностью экономической деятельности, осуществляемой российскими гражданами, которые все чаще занимаются различными видами предпринимательской или творческой деятельности, имеют доходы в качестве самозанятых или осуществляют трудовую деятельность на дому. Сложность, а иногда и невозможность предварительного определения уровня доходов, которые способна принести такая деятельность, особенно наглядно проявились в результате принятия ограничительных мер, направленных на противодействие распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции COVID-19, когда сокращение или прекращение деятельности многих предприятий малого и среднего бизнеса привело к существенному ухудшению имущественного положения многих российских граждан. В таких обстоятельствах обеспечить права супруга, лишившегося источника доходов, могут условия заключенного им брачного договора, предусматривающие обязанности супругов по взаимному содержанию, способы участия в доходах другого супруга и порядок несения каждым из них семейных расходов (абз. 3 п. 1 ст. 42 СК РФ).

Еще одним фактором, способствующим расширению масштабов заключения брачных договоров, является возросшее правосознание многих российских граждан, вступающих в брак. Восприятие негативного опыта в виде многочисленных скандалов по поводу раздела супружеского имущества, активно обсуждаемых в СМИ, вырабатывает стремление избежать подобного развития событий путем предварительного договорного определения прав супругов на имущество, принадлежащее каждому из них, и на те вещи, которые будут приобретены в течение брака, а также участия

³⁷ См. подробнее: Михайлова И. А. Понятие брака и его трансформация в отечественном законодательстве // Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилею д. ю. н., проф. Ю. Ф. Беспалова. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 208–222.

³⁸ См.: Мейер Д. И. Указ. соч. С. 732.

каждого из них в доходах друг друга и общих семейных расходах.

Позитивная оценка брачного договора является практически общепризнанной в современной доктрине, представители которой высоко оценивают предоставляемые законодателем возможности диспозитивного урегулирования супругами своих имущественных отношений. Потенциал такого договорного регулирования далеко не исчерпан, и в настоящее время активно обсуждаются возможные направления совершенствования правового закрепления данного института. Так, в Законопроекте, в частности, предлагается удалить из п. 2 ст. 44 СК РФ указание на право одного из супругов требовать признания брачного договора недействительным, если его условия ставят этого супруга в «крайне неблагоприятное положение».

С этим предложением следует полностью согласиться, т.к. при заключении брачного договора каждая из его сторон имеет возможность (в том числе с помощью удостоверяющего договор нотариуса) досконально разобраться в его условиях и осознать их последствия. Тот из супругов, который соглашается на включение в договор условий, ставящих его в «крайне неблагоприятное положение», как правило, идет на это сознательно, с целью любой ценой заключить брак с лицом, обладающим ценным имуществом и высокими доходами, который, в свою очередь, стремится таким образом обеспечить сохранность принадлежащей ему собственности. Согласившись на подобные условия при заключении брачного договора, муж или жена не должны впоследствии требовать признания его недействительным по этому основанию, которое носит крайне неопределенный, оценочный характер, т.к. в подавляющем большинстве случаев такая характеристика основана исключительно на сравнении своего положения с имущественным положением более состоятельного супруга.

Безоговорочного одобрения заслуживает еще одна новелла, предлагаемая в рассматриваемом Законопроекте. Речь идет о конкретизации права супругов на заключение соглашения о разделе принадлежащего им имущества, закрепленного в п. 2 ст. 38 СК РФ. Предусмотрев соответствующее правомочие, законодатель не установил параметры его реализации путем указания на вопросы, подлежащие согласова-

нию при заключении такого соглашения. Этот пробел призван восполнить рассматриваемый Законопроект, в котором указано: «Соглашение о разделе имущества супругов должно устанавливать размер доли супругов во всем их общем имуществе и может определять, какие объекты из состава общего имущества супругов в счет установленных ими долей передаются одному из супругов, а также может предусматривать обязательство того супруга, которому передается имущество, превышающее по стоимости его долю, выплачивать другому супругу компенсацию, и способы обеспечения исполнения этого обязательства».

Содержание и последствия заключения соглашения о разделе супружеского имущества получили в Законопроекте весьма подробное изложение, охватывающее практически все вопросы, возникающие в таких ситуациях, поэтому закрепление в СК РФ рассмотренных положений существенно повысит гарантии реализации, охраны и защиты имущественных прав не только супругов, но и связанных с ними третьих лиц, в первую очередь их кредиторов.

Все сказанное позволяет утверждать, что предоставленные действующим законодательством правовые возможности договорного регулирования отношений, возникающих между супругами, способны обеспечить удовлетворение имущественных интересов каждого из них, что позволит исключить или хотя бы минимизировать случаи нарушения прав и законных интересов российских граждан в важнейшей сфере их частной жизни. В действующем законодательстве был достигнут новый, гораздо более высокий уровень брачно-семейного регулирования, соответствующий современным социально-экономическим реалиям. Однако потенциал такого регулирования далеко не исчерпан, и в современной доктрине широко обсуждаются меры, направленные на его совершенствование. А. А. Вяхирев, например, предлагает еще более широко применять договоры в качестве поднормативного регулятора, причем не только в имущественной, но и в немущественной сфере брачно-семейных отношений, и считает возможным доктринальное (а впоследствии судебное и законодательное) признание легитимности и не поименованных в семейном праве договоров и обеспечение их юридической защитой³⁹.

³⁹ Вяхирев А. А. Договор как инструмент регулирования семейных отношений // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 150.

Рассматривая направления дальнейшего развития соответствующего раздела российского законодательства, нельзя не отметить сохраняющийся в нем правовой вакуум относительно имущественных прав и обязанностей граждан, проживающих в неформальных брачных союзах. Как справедливо отмечает Р. П. Мананкова, в действующем законодательстве «проигнорирован очевидный факт, что почти половина взрослых людей живут в так называемом гражданском браке. Складывается впечатление, что авторы проекта Семейного кодекса были скованы прежней, отчасти иезуитской идеологией. Но времена изменились, и общество стало, несомненно, гораздо более свободным». С целью восполнения имеющегося пробела автор предлагает, используя конструкцию правового модуса, выделить в СК РФ главу «Правовое положение лиц, состоящих в фактических брачных отношениях» (или «Фактические брачные отношения (гражданский брак)», закрепить в ней определение данного понятия и отразить правовой режим имущества, нажитого в гражданском браке, в виде общей долевой собственности⁴⁰.

Предложения о введении правовой регламентации отдельных прав и обязанностей лиц, состоящих в незарегистрированных семейных союзах, высказывались и другими учеными. Например, Т. Н. Палькина предлагает внести в законодательство дополнения, предоставив возможность «лицам, фактически составляющим семью, регулировать свои права с помощью договора, что позволит защитить конституционные права таких лиц, как права человека и личности»⁴¹.

С приведенным предложением следует согласиться, т.к. его реализация в полной мере соответствует интересам граждан, состоящим в таких незарегистрированных семейных союзах. В настоящее время на них не распространяются ни права и обязанности по взаимному содержанию, ни законный режим имущества супругов (гл. 7 СК РФ). Определить и закрепить свои имущественные права и обязанности в брачном договоре (гл. 8 СК РФ) фактические супруги также не могут, поэтому в случаях рас-

пада их семейных союзов раздел имущества, приобретенного за время совместной жизни, приобретает гораздо более сложный характер, чем при расторжении брака, что влечет негативные последствия не только для таких лиц, но и для их несовершеннолетних детей⁴².

Оптимальным способом разрешения или хотя бы минимизации отмеченных и иных проблем, возникающих у граждан, состоящих в неформальных брачных союзах, может стать закрепление в законе возможности договорного урегулирования ими имущественных отношений. В современном европейском законодательстве имеется немало примеров эффективного использования в рассматриваемой сфере специальной договорной конструкции. Соответствующее положение закреплено, например, в Гражданском кодексе Франции, в котором предусматривается возможность заключить «договор о совместной жизни двум совершеннолетними физическим лицам, разного или одного и того же пола, с целью устройства совместного проживания» (ст. 515-1). Данная статья была включена в Гражданский кодекс Франции 20 с лишним лет назад, Законом от 15.11.1999 № 99-944⁴³.

Условия заключения такого договора и его содержание подробно регламентируются титулом XII, в котором, в частности, предусматривается, что «стороны договора о совместной жизни должны указать, желают ли они учредить режим общей собственности в отношении предметов домашней обстановки, а также в отношении иного имущества, которое они будут приобретать за плату после заключения договора». При этом предполагается, что, если в договоре не указано иное, данные виды имущества принадлежат лицам, заключающим договор, «в двух равных идеальных долях» (ст. 515-5).

Приведенные положения могут быть творчески заимствованы в российском законодательстве, но исключительно в отношении лиц разного пола и при условии, что ни одно из них не состоит в зарегистрированном браке или в запрещенной законом степени родства со своим

⁴⁰ Мананкова Р. П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 26.

⁴¹ Палькина Т. Н. Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 176.

⁴² См. подробнее: Михайлова И. А. Незарегистрированные браки: гражданско-правовые и семейно-правовые проблемы // Цивилист. 2013. № 4. С. 79–90.

⁴³ См.: Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. с фр. В. Захватаев ; предисл.: А. Довгерт, В. Захватаев ; отв. ред. А. Довгерт. Киев : Истина, 2006. С. 223–226.

гражданским супругом. Такое признание будет в полной мере соответствовать яркой гуманистической составляющей реформирования российского законодательства, выражающейся в стремлении законодателя обеспечить более высокий уровень охраны и защиты прав всех субъектов семейных правоотношений, а также прецедентному праву Европейского Суда по правам человека, в котором «неоднократно и недвусмысленно было установлено, что понятие “семейная жизнь” подразумевает существование семейных уз не только между женатыми, но и неженатыми партнерами»⁴⁴, т.е. между лицами, состоящими в незарегистрированном браке.

Как отмечал В. В. Розанов, «совершенство закона не в том, что он словесно и юридически повторяет и без закона правильно текущую

жизнь, но в разрешении жизненных запутанностей; в облегчении и умиротворении положения людей... Нормальная семья, в чистоте и счастье доживающая век, не нуждается в мудрости юристов...»⁴⁵. Многие лица, состоящие в неформальных семейных союзах, в так называемых гражданских браках, тоже «проживают свой век в чистоте и счастье», но среди них немало и тех, кто действительно нуждается в «разрешении жизненных запутанностей» и в «мудрости юристов», которая в данном случае должна проявиться в легальном закреплении возможности договорного регулирования возникающих между ними имущественных отношений, что будет способствовать повышению гарантий обеспечения субъективных прав миллионов российских граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азаркин Н. М. История юридической мысли России : курс лекций. — М. : Юрид. лит., 1999. — 526 с.
2. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма: Инфра-М, 2010. — 432 с.
3. Булаевский Б. А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5. — С. 41–45.
4. Васильковский Е. В. Учебник гражданского права. — М. : Статут, 2003. — 832 с.
5. Вяхирев А. А. Договор как инструмент регулирования семейных отношений // Российский юридический журнал. — 2017. — № 3. — С. 144–152.
6. Добровольский В. И. Брак и развод : Очерк по русскому брачному праву (фрагмент). СПб., 1903 // Вестник Университетам имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 2 (54). — С. 192–207.
7. Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное право. — 2017. — № 1. — С. 3–5.
8. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет : интервью Лидии Михеевой // Закон. — 2017. — № 2. — С. 6–20.
9. Мананкова Р. П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. — 2012. — № 4.
10. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. — Изд. 3-е, испр. — М. : Статут, 2003. — 831 с.
11. Михайлова И. А. Незарегистрированные браки: гражданско-правовые и семейно-правовые проблемы // Цивилист. — 2013. — № 4. — С. 79–90.
12. Неволин К. А. Полное собрание сочинений. — СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1857. — Т. 3 : История российских гражданских законов.
13. Палькина Т. Н. Личные неимущественные права по гражданскому и семейному законодательству РФ и зарубежных стран (на примере США и Германии) : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.
14. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М. : Статут, 1998. — 353 с.
15. Розанов В. В. Семейный вопрос в России. СПб. : Типография М. Меркушева, 1903 // Вестник Университетам имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 2 (54). — С. 208–217.
16. Фролова О. С. Частная жизнь в свете Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Журнал российского права. — 2008. — № 10.

Материал поступил в редакцию 25 марта 2021 г.

⁴⁴ См.: Фролова О. С. Частная жизнь в свете Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Журнал российского права. 2008 № 10.

⁴⁵ Розанов В. В. Семейный вопрос в России. СПб. : Типография М. Меркушева, 1903 // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 217.

REFERENCES

1. Azarkin NM. istoriya yuridicheskoy mysli Rossii : kurs lektsiy [History of legal thought of Russia: course of lectures]. Moscow: Yurid. lit. publ.; 1999 (In Russ.).
2. Antokolskaya MV. Semeynoe pravo : uchebnik [Family Law: Textbook]. 3rd ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2010 (In Russ.).
3. Bulaevskiy BA. Kontseptsiya sovershenstvovaniya semeynogo zakonodatelstva kak neobkhodimost [The concept of improving family law as a necessity]. *Actual Problems of Russian Law*. 2017;5(78):41—45 (In Russ.).
4. Vaskovskiy EV. Uchebnik grazhdanskogo prava [Textbook of Civil Law]. Moscow: Statute Publ.; 2003 (In Russ.).
5. Vikharev AA. Dogovor kak instrument regulirovaniya semeynykh otnosheniy [A contract as an instrument of regulating family relations]. *Russian Juridical Journal*. 2017;3(114):144-152 (In Russ.).
6. Dobrovolskiy VI. Marriage and Divorce: Essay on Russian Marriage Law (Fragment). St. Petersburg; 1903. Courier of Kutafin Moscow State Law University. 2019;2(54):192-207 (In Russ.).
7. Krashenninikov PV. Nuzhen li Rossii novyy Semeynyy kodeks? [Does Russia need a new Family Code? Family Law. 2017;1:3—5 (In Russ.).
8. Kontseptsii razvitiya semeynogo zakonodatelstva u nas v strane net : intervyyu lidii mikheevoy [There is no concept of development of family legislation in our country: an interview with Lydia Mikheeva]. *Zakon*. 2017;2:6—20 (In Russ.).
9. Manankova RP. Poyasnitelnaya zapiska k kontseptsii proekta novogo Semeynogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Explanatory note to the concept of the draft new Family Code of the Russian Federation]. *Family and Housing Law*. 2012;4:26-42 (In Russ.).
4. Meier DI. Russkoe grazhdanskoe pravo : v 2 ch [Russian Civil Law: in 2 parts]. 3rd ed. Moscow: Statute Publ.; 2003 (In Russ.).
- Mikhailova IA. Nezaregistrirovannyye braki: grazhdansko-pravovyye i semeyno-pravovyye problemy [Non-registered unions: family and civil law problems]. *Civilist*. 2013;4:79-90 (In Russ.).
12. Nevolin KA. Polnoe sobranie sochineniy [Full Collection of Works]. Vol. 3: History of Russian Civil Laws. St. Petersburg: Eduard Pratz Printing House; 1857 (In Russ.).
13. Palkina TN. Lichnye neimushchestvennyye prava po grazhdanskomu i semeynomu zakonodatelstvu RF i zarubezhnykh stran (na primere SSHA i Germanii) : dis. ... kand. yurid. nauk [Personal non-property rights under the civil and family legislation of the Russian Federation and foreign countries (on the example of the USA and Germany): Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2011 (In Russ.).
14. Pokrovskiy IA. Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava [Main Problems of Civil Law]. Moscow: Statute Publ.; 1998 (In Russ.).
15. Rozanov VV. Semeynyy vopros v Rossii. SpB. : Tipografiya M. Merkusheva, 1903 [A family issue in Russia. St. Petersburg: M. Merkushev Publ.; 1903]. Courier of Kutafin Moscow State Law University. 2019;2(54):208-217 (In Russ.).
16. Frolova OS. Chastnaya zhizn v svete Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod [Private life in the light of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms]. *Journal of Russian Law*. 2008;10 (In Russ.).